

Когда Эмюс Ланселот толкнул тяжелую металлическую дверь, которая проржавела настолько, что, казалось, вот-вот рассыплется в прах, в камере воцарилась тишина. Шумные пересмешки и грубая брань оборвались в одно мгновение, словно у всех разом перехватило дыхание.

Десятки взглядов — смесь злобы, любопытства, злорадства и неприкрытой похоти — впились в него. В камере было тесно, воздух пропитался тяжелым запахом пота, крови и зловонием дешевых стимуляторов. Здесь содержались особо опасные преступники из секторов А и Б, и на руках каждого из них была не одна загубленная жизнь. Жестокость и хаос были здесь нормой.

Эмюс, бывший генерал-майор седьмого флота Империи, Цы-чун ранга двойной S, некогда олицетворявший порядок и холодную невозмутимость, теперь стал здесь самым чужеродным и, в то же время, самым желанным объектом.

— О, наш достопочтенный генерал-майор вернулся? — первым подал голос Б-318, здоровяк, чья фигура напоминала крепостную башню. Он полулежал на нарах, растягивая слова с явной издевкой. — Что это ты сегодня так поздно? М? В шахтах случилось что-то... интересное?

По камере прокатился взрыв хохота.

Эмюс, словно не слыша их, направился к самому дальнему углу, к койке у стены, где всегда было сыро и темно. Это было его место — результат намеренной травли. Но его молчание лишь подстегнуло провокаторов.

Другой заключенный, высокий и тощий, принялся, как цепной пес, и на его лице отразилось преувеличенное отвращение, смешанное с возбуждением.

— Тсс, откуда такой запах? Вы чувствуете? Это же метка! И довольно резкая! — он замахал рукой перед носом, не сводя жадного взгляда с затылка Эмюса. — Наш чистоплюй генерал-майор наконец-то позволил какому-то дикому самцу вскрыть себя?

— Ха-ха-ха! Серьезно? А я-то думал, наш генерал-майор такой недотрога, а оказывается, тоже не устоял перед мужской игрушкой?

— Да притворялся он! Вечно строил из себя святошу, на всех смотрел свысока. А в итоге? Его прижали в шахте и поймали, как дешевую девку?

— Интересно, что за самец оказался таким везучим? Хотя, судя по запаху метки... не похоже, что это кто-то породистый. Генерал-майор, у вас совсем нет вкуса.

Грязные оскорбления накатывали, словно зловонная волна. Они не смели тронуть его пальцем — даже с Кольцом подавления мощь Цы-чуна ранга двойной S внушала животный страх. Но словесные унижения не прекращались ни на день с самого момента его заключения. А теперь, когда от него исходил аромат метки другого самца, у них появился бесконечный повод для

насмешек.

Спина Эмюса напряглась, пальцы, расправляющие постель, едва заметно побелели от усилия. Слова жгли, как раскаленные иглы, вонзаясь в его изранбленное самолюбие. Но он не обернулся и не ответил. Он продолжал механически выполнять привычные действия, словно отгородившись от мира невидимым барьером.

Он знал: любая реакция, будь то гнев или оправдания, лишь раззадорит эту шваль. Им не понять, что такое переворот, чистки или подстава. Они верят только в кулаки и инстинкты, видят лишь падение с небес в грязь и чувствуют лишь запах, который объявляет его собственностью и оскверненным товаром.

А этот запах окончательно разрушил его последнюю надежду.

Кончики его пальцев непроизвольно коснулись края робы, где в потайном шве был спрятан крошечный, почти разрядившийся коммуникатор. Его прислал Клифф Эллер, его жених, самец из знатного рода. Семья Эллер ценила его гены двойного S и даже после его заключения не до конца списала его со счетов. Они обещали вытащить его отсюда при условии, что он немедленно выйдет замуж за Клиффа и родит наследника с идеальными генами.

Это было унижительной сделкой: продать свое тело и будущее за шанс покинуть этот ад. У Эмюса не было выбора. Он лучше других знал, что Тюрьма Грейс — это не просто физические мучения, это медленная пытка духа. Ему нужно было выбраться, даже если ценой станет жизнь в золотой клетке, где он будет лишь инструментом для размножения.

Клифф Эллер был высокомерным, властным и одержимым чистотой самцом. Он никогда не позволил бы своей собственности быть оскверненной другим, даже если это была лишь временная метка. А агрессивный запах черного чая, оставленный Се Ижанем, был самым наглядным доказательством того, что Эмюс больше не чист.

Семья Эллер... они больше не примут его.

От этой мысли дыхание Эмюса сбилось, а в груди словно провернулся нож. Тот странный, жестокий самец, появившийся из ниоткуда, уничтожил даже эту последнюю крупницу его полезности.

— Эй! Я с тобой разговариваю! Оглух? — Б-318, видя, что Эмюс игнорирует его, решил, что теряет авторитет. Его тон стал еще агрессивнее.

Он спрыгнул с нар, подошел к Эмюсу со спины и протянул руку, чтобы схватить его за плечо.

— Дай-ка я посмотрю, что за дикий самец оказался таким умелым, чтобы тебя...

Его рука не успела коснуться Эмюса.

Тот резко уклонился — движение было настолько быстрым, что остался лишь размытый след. Эмюс не обернулся, но температура вокруг него, казалось, упала до нуля. Его глубокие синие глаза в полумраке напоминали замерзшую бездну, когда он скользнул взглядом по лицу обидчика.

Ни гнева, ни угроз — только мертвенный холод и полное безразличие. Словно он смотрел на неодушевленный предмет.

Рука Б-318 застыла в воздухе. От одного этого взгляда у него внутри все похолодело, и он невольно отступил на полшага.

В камере воцарилась тишина. Все заключенные почувствовали исходящий от Эмюса холод, который в этот момент стал почти осязаемым.

Эмюс отвел взгляд, перестал смотреть на кого-либо и молча лег на жесткую койку. Он отвернулся к стене, свернувшись калачиком в защитной позе, отвергающей весь мир.

Остальные заключенные переглянулись. Кто-то разочарованно сплюнул, но больше никто не решался подойти. Эта ледяная тишина пугала их куда больше, чем истеричная ярость.

В камере снова зашумели, но голоса стали гораздо тише.

Эмюс зажмурился, длинные ресницы отбрасывали хрупкие тени на бледные щеки. Холод стены пробирался сквозь тонкий матрас, а железа на затылке все еще ныла от укусов и чужого феромона. В воздухе, казалось, все еще витал этот властный, агрессивный аромат черного чая, совершенно чуждый затхлости камеры.

Се Ижань...

Это имя звучало как заклятие, а перед глазами снова и снова всплывало его красивое, но злое лицо с насмешливой улыбкой. Жесткая метка, издевательские слова, вынужденные мольбы и те проклятые груды руды, полные унижения...

Все эти картины сплелись в одно бесконечное чувство ненависти и безысходности, которое топило его, не давая вздохнуть. Он потерял последнюю надежду на спасение. Будущее превратилось в беспросветную тьму, и он навеки заперт в этой грязной тюрьме, где день за днем его будут ломать, пока однажды он не сгниет, как мусор, в глубине какой-нибудь шахты. И виной всему был этот самец по имени Се Ижань.

Ненависть, словно ядовитый плющ, прорастала в его душе, обвивая горло. Он сжал кулаки так сильно, что ногти впились в ладони, и только резкая боль помогла подавить дрожь.

И в тот момент, когда тьма почти поглотила его, дверь камеры с грохотом распахнулась.

На пороге стоял охранник с холодным, безразличным лицом. Его взгляд пробежал по камере и остановился на свернувшейся фигуре Эмюса.

— А-009, Эмюс Ланселот! — голос охранника был сухим и безэмоциональным, как при чтении протокола. — Начальник тюрьмы хочет тебя видеть. Сейчас же!

В камере снова воцарилась тишина. Острые взгляды скрестились на нем, в них читались догадки и злорадное любопытство.

Сыкадило...

Сердце Эмюса упало. Он ведь только что прошел через унижения, и вот теперь его вызывает он? Из-за Се Ижана? Или из-за чего-то другого?

Он глубоко вздохнул, подавляя все эмоции, и медленно сел на койке. На его лице снова застыла ледяная маска равнодушия, словно свернувшаяся в комок фигура была лишь иллюзией.

Он поправил робу, которая в этом не нуждалась, и молча направился к выходу. Каждый шаг давался так, будто он шел по лезвию ножа, но спина оставалась прямой — ни капли страха.

Проходя мимо охранника, он лишь на мгновение задержал взгляд на его бесстрастном лице. Эмюс знал: ничего хорошего его не ждет. И все это, похоже, неразрывно связано с тем самым, от которого пахло черным чаем.

Эмюс скрылся за дверью, и она с лязгом захлопнулась, оставив камеру в звенящей тишине и под прицелом беспокойных взглядов заключенных.

Длинный, холодный коридор тюрьмы казался бесконечным.

<http://bllate.org/book/20053/1982464>